

Красота

Не есть ли красота отражение человеком природы, подобно познанию?

И я представил, что земля наша, этот сказочный цветущий сад вселенной со всеми его закатами, восходами, свежими утрами и звёздными ночами, студёным холодом и жарким солнцем, со всем его светом, прохладной тенью, июльской радугой, летними и осенними туманами, дождями, белым снегом, – представил, что наша земля непоправимо осиротела. Вообразите: на ней более нет человека – и глухая пуста шуршит в каменных коридорах городов, в траве диких полей, и безмолвно не нарушается ни звуком голоса, ни смехом, ни криком отчаяния.

В этом полном безлюдье, в ледяной тишине прекрасная земля наша сразу же потеряла бы свой высочайший смысл быть кораблём, юдолою человека в мировом пространстве, и вмиг утратилась, исчезла бы её красота. Ибо нет человека – и красота не может существовать в нём, в его сознании, и быть оценённой им. Для кого она? Для чего она?

Красота не может познать самой себя, как это может сделать изощрённая мысль, утончённый разум. Красота в красоте и для красоты бессмысленна, нелепа, мертва, так же, как, в сущности, и разум для разума, – в этом поедоющем самоуглублении нет свободной игры, притяжения и отталкивания, живого дыхания, поэтому оно обречено на гибель.

Красоте необходимо зеркало, нужен мудрый ценитель, добрый или восхищённый созерцатель, ведь ощущение красоты – это ощущение жизни, любви, надежды, мнимая вера в бессмертие, так как прекрасное вызывает у нас желание жить.

Красота связана с жизнью, жизнь – с любовью, любовь – с человеком. Как только прерываются эти связи, погибает вместе с человеком и красота в природе.

Книга, написанная последним художником на умершей земле, будь она исполнена гениальнейшей гармонии прекрасного, всего лишь бумажный хлам, мусор, потому что цель книги – не крик в пустоту, а отражение в душе другого человека, передача мыслей, переселение чувств.

Все музеи мира, собравшие всю красоту, все шедевры живописи, выглядели бы страшными раскрашенными сараями без присутствия человека в них.

Красота искусства без человека становится извращённо-безобразнейшей, то есть более невыносимой, чем безобразие естественное.

Написанное

Когда-то увиденные мною в жизни сцены, а вследствие этого и возникшие ощущения мучительно «сидят» в моей памяти до той поры, пока с большими потерями точности и красок я не перенесу их на бумагу.

Но как только я освободился от этих засевших в памяти картин и определённого настроения, сразу же наступает облегчение, хоть и не до конца удовлетворяющее. И после этого всё, что действительно было в реальности, воспринимается мною только через написанное, через зафиксированное на бумаге – и я уже не возвращаюсь больше к использованной памяти, несмотря на то что отражённое на страницах книги явно не равно бышему когда-то на самом деле. Удалось ли мне передать осенний Днепр в «Батайолах», или «воздух» возвращения в «Тишине», или сумасшедшие боя в «Горячем снеге», но теперь я избавлен от некоторых ощущений, воспоминаний, связанных с этими событиями моего прошлого.

Лес и проза

Если в летнем благословенном лесу человек способен испытывать очарование сверкающей зеленью, тёплых запахов травы, солнечных светотеней, то он не замечает корявых веток под ногами, гнилых пней, безобразного сушняка в чаще.

Всё это не портит общего ощущения любви к сущему, и от радости ходить по земле охватывает его душу ветерок счастья, навянутого золотым днём истинной красоты бытия.

Так бывает и в мудрой прозе, которую следовало бы называть добрым судьей, приведённым к присяге самой жизни.

Талант и слава

Бывает, что в литературе подолгу живут книги несуетливого писателя, однако нет у него ни громкого имени, ни славы.

Бывает, что есть и слава и имя, но нет таланта в трудах знаменитости – солидная, так сказать, денежная купюра, но обеспеченная золотым запасом.

В период «массовой культуры» чрезвычайно редко встречается писатель счастливого соединения имени и таланта, таланта и славы, заслуженной книгами.

Исповедь художника

– Не могу точно сказать вам, с каких пор в это злое десятилетие я полюбил одиночество. Воспоминания – не далёкое ли это эхо собственной жизни? Теперь я наедине со своим «персиком бессмертия», я, как тот древнекитайский старец, вожделенно тянусь к недоступным плодам. Где моё прибежище? Не знаю. Я нахожусь в бегах из безотрадной действительности.

Юрий Бондарев

Из книги «Мгновения»

сти. Но никак не могу вернуться в годы молодости, в пору любви. Да и любовь – это тоже путь к смерти, к навечному молчанию. Бр-р, страшновато! А впрочем... Всё в нас и вне нас – движение к молчаливому концу, к слиянию с вечностью. Неужели жизнь была долгий душевный обморочек? Спасение в творчестве? А это ведь созерцание бытия в состоянии эпического спокойствия. А его, спокойствия, почти и не было. По нашим судьбам катком прокатилась война, и не проходит скорбь о погибших. И боль ностальгии. Всё-таки там, позади, были летнее утро, роса, и тёплый запах клевера, и солнечный блеск, и голубое небо, а здесь, после войны, торжествовали ложь, горечь, поражение, разочарование. В последние годы не даёт покоя мысль, что надо достойно переносить дурные и злые суждения о жизни. Всё равно никто не ответит, что такое история и куда и зачем движется она. Я давно не верю, что художник – это строитель света, что людям необходим каскад идей, где герой блуждает и ищет среди этических препятствий главную истину, в конце концов обретая её. Я не верю также в художника, утверждающего пессимизм, унылую реальность без надежды и романтики, то есть без ощущения смысла жизни в самой жизни, в каждой минуте её.

Но, пожалуй, этот смысл мало кто из смертных осознаёт. Как не сознаём все мы и то, что человек с самого рождения побеждён природой и приговорён к смерти. Да, мы вечны со смертью с первой секунды появления на свет. И этот обрак не могут расторгнуть ни наука, ни мораль, ни красота. Вот поэтому я ищу спасения в прошлом. А это погружение в самого себя.

Я здесь, но, может быть, душа моя осталась там, где-нибудь в благолепии июльского рассвета пятидесятилетней давности.

Наедине

После того как отпустила температура, он, весь влажный от клейкого пота, лежал часами в странном бездумии, глядя в потолок, иногда ощущал что-то неприятное, жёсткое на лице, неудобно мешающее ему, и, потягиваясь рукой, наткнулся на колючие волоски отросшей бороды и усов и думал с отвращением о своей обморочной слабости: «Я несколько дней был без сознания, за мной ухаживали соседи. Я не двигался, и всё было унизибельно».

Ему показалось, что от одеяла, от его тела, даже от коврика на стене исходит дурной запах, какой приживается в комнате, где лежит больной, и он вдруг почувствовал тошнотворную брезгливость к себе.

С великим усилием он спустил исхудавшие ноги с кровати, задонувшись от сердцебиения, ища валиками пальцами тапочки на полу, и с пьяным головокружением двинулся к ванной, упорно намеренный смыть с ног пот, большой запах – может быть, это поможет, и наступит облегчение, и пройдёт ощущение брезгливости.

Он вошёл в ванную, осторожно повернулся к зеркалу и в страхе замер. Там, в зеркале, оцепенело смотрел на него измождённый седой старик: сплошь белая борода, сплошь белые усы как-то уродливо изменили когда-то виденное, словно во сне, лицо, покрытое испариной, ошеломлённое, даже страшное сейчас.

«Кто это? Я? Галлюцинация! Я болен около месяца, а здесь старик... Вот она, моя старость. Вот оно, физическое уродство».

Он робко рассматривал в зеркале этого старого враждебно-незнакомому человека с потерявшими жизнь глазами, в которых не было ни блеска, ни искорки, и непослушными руками взял электрическую бритву с полочки. Но тут он посмеялся над собой – бритва была бессильна что-либо сделать – и, беззвучно смеясь, заметил в зеркале не выражение смеха, а кривой жалкий оскал не то боли, не то негомо рыдания, и стиснул губы, невидимые в седине старческой бороды и усов.

Он зачем-то запер дверь в ванную на ключ, нашёл в шкафчике ножницы и с одержимым желанием увидеть своё лицо прежним начал быстро (руки тряслись) состригать усы и бороду, гадливо бросая волосы в унитаз.

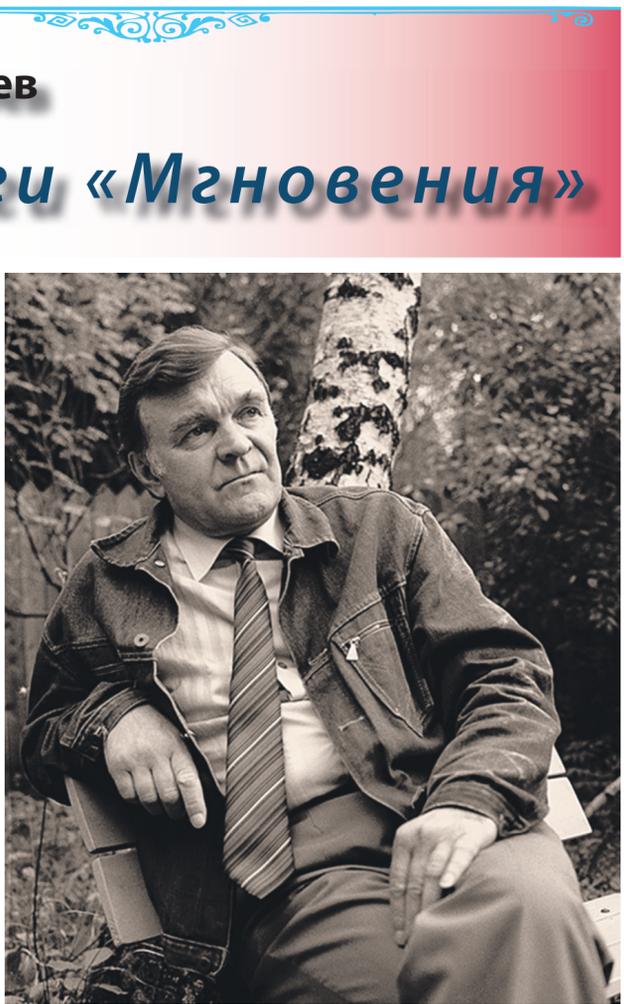
А лицо становилось всё более безобразным, торчали белые клочки на щеках, над верхней губой, во взгляде появилась упорная тупость, и он подумал, неожиданно

неуклюжесть, робость, виноватую улыбку не помогла и не спасла его от невзгод и неудач. Он не сумел жениться, завести семью и, в сущности, прожил жизнь в одиночестве. Пожалуй, жизнь обманула его.

И всё-таки он смотрел на очень бледное, худое предсмертное лицо, на мигающие веки, смахивающие набегающую влагу, и думал: «В этом зеркале исчезла моя молодость, моё здоровье, мои надежды. Только оно, зеркало, не обмануло меня...»

Упрямые реалисты

Человек – постижение самого себя через собственное сознание? Думаю, что прежде всего он – творение природы, подчинённое её законам, и в то же время существо социальное.

замычав страдальчески: «Неужели я хочу выглядеть лучше, чем есть на самом деле? Это самообман и бессилие...»

Когда разведённой в стаканчике душистой пенной он начал намывать щеки, испытывая приятно-мягкое щекотание, ему на миг представилась послесвоенная парикмахерская на Валовой, вся освещённая горячей серебряностью зеркал, и он вспомнил, как ходил туда, молодой, сильный, и, слыша птичье пощёлкивание ножниц вокруг, всматривался в весёлое от избытка здоровья, расположенное к радости и шутке лицо, еле удерживаясь, чтобы не сделать комическую гримасу, не подмигнуть себе: «А жизнь – ведь прекрасная штука!»

«Когда это было? В 60-х годах?» Он закончил бриться, обессиленно опустил руки и долго смотрел на чьё-то очень бледное, осунувшееся, узкое к низу лицо, растерянное, дрожащее веками, точно навёртывались слёзы, а он хотел их сморгнуть, готовый разрыдаться или захохотать от жалости к этому человеку, который был сверх меры отвратителен ему.

Сколько лет, бреясь вот здесь, в ванной, он перед поездкой в гости перекраивал лицо: пробуя и наигрывая нужное выражение улыбки, губ, бровей, наклона головы. Он хотел выглядеть мужественным и снисходительным, сильным и добрым, волевым и неотвратимым, мягким и уступчивым. Он как бы занимал для внешнего облика разные черты известных людей, актёров, политиков – в этом были и форма самозащиты, и неудовлетворённое честолюбие, и неприязнь к негероичности своего «экстерьера», и самоирония. Иногда он произносил какие-то заготовленные фразы и делал жесты, с интересом, порой раздражением наблюдая за вторым человеком, знакомым и незнакомым в жестах, в шевелении рта, в прищуре глаз, наблюдавших за ним в упор.

Помогло ли ему это общение наедине с самим собой, эти минуты, когда он стоял вот здесь вплотную с двойником, отделённый, однако, от него ледяной стеной? Нет, эта попытка изменить собственную

Отчего ему свойственно покаяться (по-гречески «метанойя») – возрождение, возвращение, очищение души? Потому, что наше душевное чувство не стремится ко сну согласия. Это проверено всей историей нравственности – от Евангелия до современной литературы, не утратившей совести.

Я сожалею о том, что не очень просто говорю об этом. «Поймай красноречие и сверни ему шею», – сказал когда-то француз Валери. Он прав, хотя я веду диалог с безмолвным листом бумаги и мы наедине.

Может быть, не должен быть судим и тот, кто принимает формулы, лишённые всякого смысла. Всё же глупость подарим абсурдистам, тем более что на своей пустоте и бездарности они возвели вавилонские башни фальшивой славы.

Но вот они опять – неразрешённые и вроде бы надоевшие вопросы упрямых реалистов.

А где источники реки жизни – есть ли они? Где границы небесного материка – есть ли они? Это ищут единицы мыслящих: честные философы, честные историки, честные писатели, честные живописцы.

Вера и надежда

Внимательного читателя, равно зрителя, конечно, интересуют оценки в нашем искусстве. Кто же лучший талант современности? Кто самый читаемый писатель в России? Кого можно назвать великим в искусстве конца XX века? Чьё имя уже среди бессмертных?

Здесь ответы всегда неточны, вздорны, и с легкомысленной иронией приходится на память девизы модернизма, призывающих быть непонятными: быть великим – значит быть неверно понятым.

Недавно услышал по телевидению: «Все удостоенные премии "Триумф" – великие писатели».

Стоит ли комментировать хвалебную деменцию и выдёргивать лавры из венцов удостоенных? Однако, услышав это, я подумал, что в печально-скорбные годы па-

дения скромности и правдивого слова ничего не стоит средствам современной информации родить в мусоре болтологии и подбросить на Олимп искусств новоявленных «великих» и «гениев», созданных либеральными нравами.

В то же время, если некто из демокомментаторов либо рецензентов в состоянии закружившего голову восхищения хочет робко произнести в адрес независимого от партийности певца: «А вы знаете, совсем неплохо, совсем хорошо, совсем прелестно спели, так сказать!» – то вслух по инерции у него получается следующее: «За такое пение, такой саякой, мордрду бить мало!»

Если эти же уста в состоянии восторженного обморока готовы выговорить многотрудное: «Правду хочу сказать, хоть маленькую, но правду», – то, подчинённая круговой порuke запрограммированного очернения, эта мысль, мгновенно подавленная, перестраивает свой ход на зверское рычание: «Запомни: правда – анахронизм, затупленное острие! Валаамова ослица без ушей! Достаточно! Пришло наше время! Только ложь – моё оружие!»

В христианском обряде крещения, причисляющем новорожденного к пастве Иисуса, священник задаёт вопрос младенцу, якобы на змею жадному освободиться от греха, с которым он родился: «Чего просишь ты?» – «Веры», – отвечают крестные родители. «Но что даст тебе вера?» – «Вечную жизнь!»

Нужно ли говорить о вере и надежде на вечную жизнь, коли нет любви ни к истине, ни к правде, а есть бесовское задание засеять поле культуры чертополохом и взращивать золотые плоды поддельной пробы.

Никакие

Неужели его известное имя не удержится в памяти потомков? Если же спросить, каковы его открытия в экономике, науке или литературе, каковы его гражданские поступки, каков он во всех смыслах, то ответим, глаза потупив смиренно: он ежедневно безукоризненно опрятен, чистолюбно выбрит, в своей речи тих, обходитель, даже ласково-серьёзен. Всё он – едва заметная улыбка, заученное мягкое пожатие руки, тщательный, слегка влажный зачёс, аккуратно застёгнутый на среднюю пуговицу костюм, скромный галстук, готовые обтекаемые фразы на высокой трибуне и в кулуарах, приятные, сделанные годами и усилиями морщинки в уголках глаз и очень маленький рот (и глаза, и рот не устают быть рисунком доброты, выдают, однако, гастронома), умелое молчание, чаще всего – значительное, глубококомысленные фразы вполголоса: «посоветоваться», – слова эти вежливо обещают простакам всё и, в сущности, ничего. Вместе с тем серьёзные решения никогда не принимают, так как чрезвычайно острожен, к тому же тайно и разрушительно завистлив к талантам. Но уважаемый этот муж пока удовлетворяет весьма многих, ибо неопасен и весь бесцветен, вернее – никакой.

Никакие – это привратники гибели всех надежд, что ещё остались в человечестве; бескровными и алчными руками ничтожеством моет дорога в никуда...

Гении

Гении, подобные Пушкину, – это книга жизни, по которой человечество учится читать правду и красоту. В эти понятия входят тайны человеческого феномена, разгадки которых и радостны, и печальны. Правда Пушкина – веропроектирование. Он создал своё звёздное небо, свой воздух, свой континент надежды. Он был из тех гигантов национальной культуры, кого можно назвать властителями дум на все времена. Его поэзия полна свободы, солнца, весёлой дерзости, русской иронии, вызова, гордого бунта, милосердия к душевным бедам власти не имущих. Прозаический герой поэта ещё не стал мессией страдающего человечества, как позднее стал герой Достоевского, но почти все последние русские писатели вышли не только из «Шинели» Гоголя, но и, конечно же, из «Повестей Белкина».

В наше время раскряпанного стиля и «раскрепощённого» языка Пушкин покоряет нас строгим совершенством формы, изяществом слога, многомерностью фразы, блеском мышления, его творения как единый сияющий алмазными гранями шедевр, рождённый самой природой. Пожалуй, лишь богоданный гений художника может подчас уловить неуловимое совершенство. Что это? Чистота вселенной?

Всё имеет движительные причины, имеет свои причины и поводы и русская словесность. Так кто творит её? Время? Народ? Страдания?

Как это ни было бы спорным, есть две поистине непреодолимые литературы – французская и русская. Французское искусство восемнадцатого века было создано противоборством богословия и просветительства, русское – взрывом и бунтом просвещённого самосознания. Век девятнадцатый – это вражда наивной святости и порока, гнёта и либеральной свободы, совестиливых заповедей и убивающих душу страстей.

Русскую литературу во всемирном порядке хочется назвать прощальной, имея в виду апокалиптические таланты Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского. Что ж, в атомном веке возникли общества без богов, где царствуют безнадёжная надежда, отрицание добротворящих ценностей, разгул вседозволенности с тиранией денег, заменивших религию, любовь и веру.

Пушкин не мог предполагать, что бездуховность станет чёрной тенью современного циничного практицизма. История прошла по душам людей невыносимой тяжестью войн, голода, раздавливающей лжи, разочарований, экологических несчастий и катастроф, подготовленных уродливо развивающейся цивилизацией. Поэт не мог знать и того, что в планетарном искусстве наступает опасная эра злого, хитроумного, коварного, зыбкого, будто трясына, бесплодно развращающего и, в сущности, астрадно-пошлого господства новоявленных булгарини и геккернов, что честное искусство остаётся главным свидетельством подступающего краха культуры.

Говорят, что бытие наше стало непростимым, и мол, сейчас архаичны повести Пушкина и толстовский роман, их композиция, форма мышления, а необходимы репортаж, острый документ, призыв либо роман как сумма фельетонно-публицистических фрагментов на злобу дня. В этой убогой односторонности видно безграмотное пренебрежение природой искусства. Но что может литература в современном, до предела напряжённом мире? Фанфары побед и барабанный бой часто звучат как похоронный марш, напоминая, что время карнавалов и фальшивого оптимизма прошло. Род человеческого вызывал у Сартра тошноту, потому что разум не сумел победить социальный хаос, сделать жизнь благостью, и философ был верен идее интеллектуального одиночества («Я – остров») на краю гибели. Вся русская классическая литература – от Карамзина, Державина, Пушкина до наших дней – с её философией и мечтой о братстве и естественной воле человека как бы выросла сейчас своей мудростью в этой ставшей трагической действительности. Русское духовное богатство в том, что в течение многих лет правил и правит национальный гений Пушкина, и его правление – солнечно.

Литература

Если человеку суждено умереть, то как одинок он в трагической жизни своей и как ничтожны страсти его: любовь, честолюбие, корысть. Кто поможет ему? В XX веке хомо сапиенс, подчиняясь вещам, принёс в жертву им свою душу и в погоне за благами потерял себя в пустыне равнодушия, зависти и бесстыдства. Но по сути все его жизнь – это погоня за смертью, чтобы оплатить по всем счетам и вернуть долг земле.

Я не пессимист и не оптимист, я отвергаю позицию бесстрастного наблюдателя, верю в красоту мира, в разум и хочу красотой и не красотой воздействовать на сознание людей, в конце концов се зёрна надежды и, быть может, обманывая самого себя бессмертием добродетели.

Верное, для сохранения душевного равновесия и безмятежной бодрости надо жить не замечая отсчета времени. Но как только случайно либо намеренно я задерживал внимание на нежных скачках часовых стрелок, то ужасался: невозвратимы ещё полчаса, ещё час, ещё месяц, ещё год, а значит – ещё мгновения неповторимого бытия утекли в вечность. Как я жил это день, этот час, эти секунды? Ради чего? Пустота или смысл? Любовь или ненависть? Правда или ложь? Может быть, всё это сплетено в один клубок, который невозможно распутать и размотать? Во имя чего?

И я всё чаще думаю, что жизнь человека – это бег на короткую дистанцию. Задыхаясь в навязанном ему ритме, он бежит, глотая слёзы печали и радости, достигает финиша, в бессилии падает на последнем метре пути – и возвращает своё уставшее бременное тело земле, так и не познав, не осмыслив краткое существование в этом прекраснейшем из миров.

Этот земной путь человека исследует и познаёт не наука, не философия, не социология, даже не история, а литература, которая по целям своим и предназначению добрее, мудрее и нравственнее всех наук.